

## ПОДГОТОВКА КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПО АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ В СССР 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 16-33-01035*

**А. М. Скворцов**

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

В статье рассматривается эволюция системы подготовки научных кадров по античной истории в СССР до 1934 г. Привлекается архивный материал по Институту истории РАНИОН и ГАИМК. Выявляются трудности и просчеты в процессе формирования советской аспирантуры по античности.

**Ключевые слова:** *антиковедение, историография античной истории, советская наука об античности, аспирантура, ГАИМК, РАНИОН.*

1920-е – начало 1930-х гг. – наиболее драматичный период в истории отечественного антиковедения. Это было сложное, противоречивое, насыщенное организационными и бытовыми трудностями время. Но оно незаслуженно мало изучается историографами: его рассматривают чаще всего в контексте становления советской науки о классической древности, уделяя внимание институциональным изменениям и укоренению методологии марксизма [4], уничтожению классического образования и социальной среды (городской интеллигенции) для развития классицизма, смене поколений историков [9], либо как начальный период формирования нового образа древности в советской науке [5]. В настоящей статье 1920-е – начало 1930-х гг. изучаются как особый период, когда в науке еще не установился полностью новый порядок (проявлялись лишь некоторые его черты) и у научного сообщества существовала относительная свобода в выражении мыслей по вопросу реформирования организационных структур. Из наиболее дискутируемых тем нами выбрана проблема подготовки кадров высшей квалификации в условиях трансформационных перемен первых 15 лет советской власти.

Отмена ученых степеней и званий в 1918 г., создание научно-исследовательских институтов и превращение факультетов в начале 1920-х гг. в исключительно учебные подразделения актуализировали вопрос о воспроизводстве научных кадров. После прихода к власти большевиков некоторое время существовал проверенный десятилетиями институт «оставленных для подготовки к профессорскому званию». Эта система функционировала следующим образом. Если имелся выпускник, который зарекомендовал себя во время прохождения университетского курса как способный к научной деятельности (то есть, как прави-

ло, получавший высокие баллы на экзаменационных испытаниях и написавший «кандидатское» сочинение), то профессор мог выступить с мотивированным ходатайством об оставлении такого молодого человека при университете для сдачи магистерских экзаменов и подготовки диссертации (со стипендией Министерства народного просвещения или без нее). Кандидатура проходила процедуры обсуждения и голосования в совете факультета, далее – утверждение в Министерстве народного просвещения [1]. Практика показывает, что ученая корпорация имела достаточно широкую свободу в определении «оставленных» (Министерство обычно утверждало решение совета факультета [3]), а также в разработке для них индивидуальной образовательной траектории (обычно на 3 года).

Сложившаяся система подготовки ученых начала трансформироваться через несколько лет после прихода к власти большевиков. В 1921 г. при факультете общественных наук Московского университета создан научно-исследовательский Институт истории. Важнейшими целями его деятельности были объявлены следующие: содействие разработке исторической науки и усовершенствование в исторической науке лиц, окончивших исторические отделения высших учебных заведений [7]. Предполагалось, что общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук, созданное на базе историко-филологического факультета в 1919 г., должно было готовить прежде всего педагогов для школ. Это привело к значительному сокращению компонента исторических дисциплин в системе подготовки специалистов-историков и увеличению предметов педагогических и общественно-политических [8]. Подготовкой же кадров высшей квалификации в области истории должен был

заняться в Москве соответствующий научно-исследовательский институт. Его штат состоял из действительных членов (это те исследователи, которые уже были известны своими научными трудами) и научных сотрудников. Последние делились на 2 разряда. Научные сотрудники второго разряда должны были готовиться к сдаче экзаменов (прообраз аспирантов). К первому разряду принадлежали лица, которые прошли определенные испытания и вели самостоятельную научную деятельность, однако еще не создали выдающихся трудов.

В Институте истории уже в первый год его существования велись бурные дебаты о подготовке ученых в новых условиях: с созданием научно-исследовательских институтов фактически был упразднен институт «оставленных». Дискуссии были возможны ввиду отсутствия изначально каких-либо директив по этому вопросу. Каждый из членов совета имел достаточно четкое представление о системе подготовки кадров. Эти точки зрения во многом сформировались в ходе дискуссий о реформировании системы «оставленных для подготовки к профессорскому званию» еще в начале XX в. [1] В начале 1920-х гг. камнем преткновения стал вопрос о так называемой «ранней специализации»: следует ли начинающему ученому уже с первых дней обучения сосредоточиваться на избранной им исследовательской проблеме? Одни историки (Д. Н. Егоров, М. М. Богословский, Н. М. Лукин) выступали за «московскую систему», которая предполагала разработку научным сотрудником ряда вопросов по различным историческим периодам вне зависимости от его интересов. Другие (В. И. Пичета, В. С. Сергеев, А. А. Захаров) утверждали, что необходимо ориентироваться на избранную молодым исследователем тему, в соответствии с которой формировать индивидуальную образовательную программу<sup>1</sup>.

В итоге, за основу была взята первая модель, что в условиях 1920-х гг. явилось вполне логичным решением. Как уже отмечалось, университеты не готовили ученых, поэтому многие профессиональные исторические дисциплины из учебного плана оказались изъяты. Компенсировать этот недостаток должны были специальные семинары и коллоквиумы при Институте истории. Чтобы попасть в научные сотрудники первого разряда, кандидатам следовало продемонстрировать широкую историческую подготовку. Они готовили 7 вопросов по основной специальности

и 3 вопроса по дополнительной (для историков-антиковедов таковой была русская история)<sup>2</sup>. Выступление с докладом по разобранному вопросу происходило в соответствующей секции Института истории, что заставляло экзаменующихся тщательно подходить к подготовке. Решено было отменить испытание по политэкономии под предлогом его наличия в университетском курсе<sup>3</sup>. Другими словами, самостоятельность совета Института в определении структуры подготовки научных кадров, безусловно, имелась. При каждой секции возникли семинарии преимущественно по вспомогательным историческим дисциплинам и толкованию текстов. В них постигались методы анализа различных источников, происходило обсуждение исторических проблем, итогов работы сотрудников, то есть в целом, оттачивалось мастерство историка. В секции древней истории долгое время работал семинар руководителя секции Г. М. Пригоровского, посвященный социально-экономической истории эллинистического Египта по данным папирусов, либо – его же семинар – по истории римского города.

Итог работы выражался в письменном сочинении, которое предоставлялось совету Института. Остро стоял вопрос и о необходимости защиты такого рода сочинений. Вопрос о возобновлении диспутов, фактически ликвидированных после отмены ученых степеней в 1918 г., поднимался уже в 1922 г. Абсолютное большинство высказалось о них как наиболее проверенном средстве оценки научной состоятельности сотрудников и, следовательно, ратовало за возрождение этой процедуры<sup>4</sup>. Ее прохождение, конечно же, не давало ученой степени, но позволяло продвигаться по карьерной лестнице и стать научным сотрудником первого разряда. Стремление к возрождению диспутов демонстрирует попытки ученых воссоздать прежние, привычные для них структуры научной повседневности в рамках Института истории. Обозначенная тенденция прослеживается и в установившейся иерархии: если в университетах формальные грани между «старыми» профессорами и «новыми» преподавателями-марксистами были практически стерты, то в Институте соблюдалась строгая субординация (научные сотрудники второго разряда, научные сотрудники первого разряда, действительные члены), основывающаяся на совокупности научных трудов. Старшее поколение стремилось сохранить хотя бы элементы прежнего научного

<sup>1</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 82 – 84 об.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153. Л. 1 об.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 44 об.

<sup>4</sup> Были отменены в связи с ликвидацией учёных степеней

этикета, важной составляющей которого являлось уважительное отношение к предшественникам; давалась и вполне определенная установка начинающим исследователям: успешная карьера в науке зависит не от партийной принадлежности и общественных постов, а от кропотливого труда по избранной специальности.

Возникшая система подготовки научных кадров имела свои достоинства и недостатки. Несомненными «плюсами» было раннее приобщение молодых людей к научному творчеству через посещение ими семинаров и заседаний секций или совета Института. Эти мероприятия позволяли осваивать исследовательский инструментарий, что, как отмечалось, в те годы невозможно было исполнить, учась в университете. Кроме того, создавались условия для более тесного общения между начинающими историками и опытными исследователями. К «минусам» следует отнести чрезмерную загруженность научных сотрудников второго разряда. Как уже отмечалось, они должны были провести тщательное исследование по ряду вопросов, ряд из которых вообще не был связан с их основной научной работой. Данное обстоятельство сильно тормозило подготовку сочинения для диспута. Не случайно во второй половине происходит постепенное сокращение количества основных и дополнительных вопросов.

Ситуация с подготовкой научных сотрудников стала изменяться с середины 1920-х гг. В 1924 г. была организована Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (АНИОН, позже – РАНИОН). Постепенно все научно-исследовательские институты оказались объединены под ее эгидой. Отныне основные вопросы решались на общей коллегии АНИОН, включавшей исключительно марксистских ученых. Это привело к значительному сокращению автономии Институтов, необходимости следованию четким научным планам, спущенным «сверху» и изменению системы подготовки научных кадров. В 1928 г. выделено 3 основных вектора научных работ – экономическая и социальная история, история международных отношений, история революционных движений. Все исследования должны были вестись исключительно в этих рамках. Кроме того, в 1925 г. Совнарком РСФСР утвердил Положение о научных работниках высших учебных заведений и Инструкцию о порядке подготовки научных работников при научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях – эти документы дали начало институту аспирантуры в СССР. Следуя новым правилам, РАНИОН в 1928 г. для всех

структурных подразделений определил общие правила подготовки аспирантов. Устанавливался предельный срок обучения – 3 года, за который следовало сдать по одному вопросу по политической экономии и историческому материализму (в соответствующих секциях), 2 вопроса по избранной специальности, 2 – по дополнительной (для антиковедов – не обязательно из области русской истории). Особое внимание уделялось подготовке в области иностранных языков (к концу второго года обучения необходимо было владеть двумя иностранными языками) и педагогической работе (со второго года предполагалась производственная (педагогическая) практика в вузах). Следовало разработать специальный курс с подробной библиографией по основной теме исследования<sup>1</sup>. С одной стороны, эти меры позволили разгрузить научных сотрудников, сократить количество сдаваемых экзаменов, но, с другой стороны, значительно усилился контроль за идеологической подготовкой ученых. Вопросы по политической экономии и историческому материализму, как правило, выбирались в связи с разрабатываемой темой и, соответственно, призваны были проверить, насколько «марксистской» окажется будущая работа. Так, например, работая под руководством Г. М. Пригоровского в семинаре по истории древнеримского города, в секции по политэкономии аспирант Н. А. Машкин сделал доклад «К вопросу о капитализме в эпоху Римской империи», аспирант К. К. Зельин – «Дифференцированная рента» и «Основные формы общественного развития»<sup>2</sup>.

В целом интерес к древней истории в рамках РАНИОН не был высок. Причиной тому послужило сокращение компонента антиковедских дисциплин в университетах (как конкретно исторических, так и филологических) и общая политическая ситуация в стране, актуализирующая изучение «новой истории». В 1927–1928 гг. в секции древней истории действительными членами состояли: Г. М. Пригоровский, Д. Г. Коновалов, Н. М. Никольский (всего по Институту истории – 36); научными сотрудниками первого разряда: А. А. Захаров, Д. П. Кончаловский, Н. А. Кун (всего по Институту – 37); наконец, научными сотрудниками второго разряда (аспирантами): К. К. Зельин, А. С. Ерусалимский, А. В. Мишулин, А. В. Преображенская, Н. А. Машкин, В. М. Хвостов (всего по Институту – 64)<sup>3</sup>. С 1924 г. 1–2 человека зачислялись

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153. Л. 47 – 48.

<sup>2</sup> Там же. Л. 65.

<sup>3</sup> Там же. Л. 3, 59.

в секцию древней истории для подготовки к научной деятельности. Хотя их было и немного, и никто из них не дошел до защиты диссертации, все же в будущем именно большинство из них станет знаковыми фигурами для советского антиковедения.

Довольно сильно препятствовали сдаче в срок всех форм отчетности высокие требования к аспирантским работам всех уровней и, как следствие, нехватка времени. Из секции древней истории наиболее приблизился к выполнению аспирантского плана Н. А. Машкин, который за 4 года (с 1924 по 1928 гг.) сделал 5 докладов: «К вопросу о капитализме в эпоху Римской империи», «Муниципальный строй Римской Африки», «Колониальная политика Бисмарка», «Политический строй Борну (к вопросу о внеевропейском феодализме)», «Проблемы марксизма и изучение истории религий»; К. К. Зельину за 3 года (1925–1928 гг.) удалось сделать 4 доклада: «Дифференцированная рента», «Основные формы общественного развития», «Крепостное хозяйство и положение крестьян в центральных губерниях Ингерманландии во вторую половину 18 в.», «Возникновение и характер раннего римского законодательства», «Основные формы общественного развития»; В. М. Хвостов за 2 года обучения (1926–1928 гг.) не сдал ни одного доклада; А. В. Преображенская за тот же период подготовила 1 доклад – «Происхождение и характер раннего римского муниципального права: *lex Julia municipales*»; А. В. Мишулин за 1 год (1927–1928 гг.) не сделал ни одного доклада<sup>1</sup>.

Усиление идеологического контроля с середины 1920-х гг., вероятно, не возымело должного результата. В РАНИОНе оформились, с точки зрения С. А. Пионтковского, два лагеря: представители «старой школы» и марксисты. Последние крайне негативно относились и к методам исследования, и к системе подготовки аспирантов профессорами дореволюционной школы. В частности, С. А. Пионтковский ратовал за отказ от индивидуальной исследовательской работы и распространение коллективных форм; за сокращение числа аспирантов у секций древней и средневековой истории; наконец, за слияние секций «неблагонадежных» с «благонадежными» с целью уменьшения немарксистов [2]. Показательны его слова: «Я отстаивал мысль, что коллективность в ученой работе это значит работа ряда лиц над проработкой и осуществлением на практике тесно связанных между собой звеньев одного цельного плана. Пробовали провести мы

эту мысль на комиссии. Здесь сразу встретили жестокий отпор. Началось с Древней истории. Представитель секции Древней истории сообщил, что одни из них занимаются каким-то кризисом 3 века, а другие хозяйством Храма Амона в Древнем Египте, а всего-то навсего таких специалистов по Древней истории 5 человек. Судили и рядили и, наконец, решили, чтобы они проработали план» [2. С. 132]. На деле же общий план был нужен марксистам для осуществления контроля за деятельностью секций.

До этапа защиты диссертации в РАНИОНе дошли только 2 аспиранта Института истории А. И. Неусыхин и Н. М. Дружинин [10]. Остальные либо не успели сдать аспирантские вопросы, либо не прошли переаттестацию и были объявлены «немарксистами». Несмотря на отсутствие среди защитившихся антиковедов, обратим внимание на те параметры, по которым оценивали качество представленной работы. На первом месте «оценка диссертации как самостоятельного научного исследования». На втором – «объем привлеченного для разработки диссертации материала и оценка его». На третьем – «методологическая оценка диссертации и заключительного слова»<sup>2</sup>. Как видно, здесь переплетаются как вполне понятные и естественные для науки критерии, так и новые веяния от советской действительности, но именно они стали основой для формирования советской диссертационной культуры. Диссертанту не присуждалась степень, но составлялось заключение о возможности ведения им педагогической деятельности в вузах и самостоятельной научной деятельности, включения его в разряд научных сотрудников первой степени.

В 1929 г. Институт истории РАНИОН был передан в Коммунистическую академию. Тем самым закончились споры между представителями «старой школы» и историками-марксистами. Представителям науки о классической древности следовало вписаться в новую действительность и доказать свою необходимость для широкой общественности и советского правительства. Приведем слова С. А. Пионтковского, относящиеся к концу 1920-х гг.: «Та реорганизация вуза, которая происходит сейчас, – она фактически, уничтожая лекции, уничтожает и индивидуальность преподавания, требуя четкой программы, требуя общей программы для семинаров данного отрезка или курса, требуя тем самым и одинаковости в работе» [2. С. 301]. Историки «старой школы», работающие в РАНИОНе, явно диссонировали с тем образом уче-

<sup>1</sup> Там же. Л. 56 – 67.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 637. Л. 7 – 7 об.

ного-историка, который начал выкристаллизовываться на рубеже 1920–1930-х гг.

Другим центром подготовки специалистов по античной истории стал ГАИМК. В 1920-е гг. в его структуре существовал разряд археологии Эллады, в котором состояли всего лишь человека – С. А. Жебелев и А. И. Доватур. Несмотря на учреждение аспирантуры в 1925 г., систематическая подготовка специалистов там не велась. Основным направлением деятельности являлось обработка эпиграфического материала Причерноморья и подготовка его к публикации.

О проблемах, связанных с подготовкой научных кадров в ГАИМК в 1920-е гг., можно судить по отчету одного из первых аспирантов (поступил в 1926 г.) разряда греко-римского искусства П. Н. Шульца<sup>1</sup>. Каждый из аспирантов прикреплялся к научному руководителю из числа сотрудников ГАИМК и должен был вести как систематическую научную работу по утвержденной теме, так и выполнять общественные обязанности. Будущие ученые не должны были сосредотачиваться на какой-то узкой теме, их готовили как специалистов широкого профиля, разбирающихся в различных проблемах смежных периодов и дисциплин. П. Н. Шульц, разрабатывая специально тему римского портрета Поздней Римской Империи, занимался также первобытной историей, классической археологией, провинциальным искусством XVIII–XIX вв., современной художественной культурой, проблемами социологии и теории искусства, готовя соответствующие доклады и принимая участие в археологических экспедициях<sup>2</sup>. Другим обязательным элементом работы аспирантов была общественная нагрузка. Чаще всего они исполняли обязанности секретарей различных формальных и неформальных сообществ – вели делопроизводство и готовили заседания. Так, П. Н. Шульц являлся секретарем Бюро по подготовке аспирантов, ученым секретарем Общества социологии и теории искусств, секретарем общества марксистов, Ржевского и Лужского обществ краеведения<sup>3</sup>. Данная деятельность зачастую не приносила доход и в виду регулярности проведения заседаний сильно мешала исследовательской работе, отвлекала от основного научного направления. Здесь ГАИМК решала другую важную задачу – популяризацию исторической науки и установление контактов с общественными организациями. В связи с обозначив-

<sup>1</sup> Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН (далее – РА ИИМК РАН). Ф. 2. Оп.1 (1928). Д. 31. Л.66 – 70.

<sup>2</sup> Там же. Л. 67 об.

<sup>3</sup> Там же. Л. 69.

шимися в 1920-е гг. тенденциями по сокращению научных и образовательных центров, готовивших историков, нужно было представить Академии важным элементом развития культурной сферы жизни общества и продемонстрировать связь между научными разработками организации и запросами и интересами советских граждан. Очевидно, что львиная доля обязанностей по этому направлению ложилась на плечи наиболее молодых сотрудников.

Становление организационных форм аспирантуры и ее содержательной стороны проходило во многом стихийно. Постановление 1925 г. лишь обозначало общие векторы и задачи. Воплощать же задуманное предстояло на местах. Происходил отказ от индивидуальной формы обучения, при которой образовательная траектория начинающего исследователя определялась лишь научным руководителем, и декларировалась важность развития коллективистских форм и раннее привлечение аспирантов к совместным научным проектам. Молодежь регулярно выступала с докладами на заседаниях подразделений ГАИМК, а в 1930-х гг. участвовала в создании учебных пособий и обобщающих трудов по истории. С одной стороны, в сложившейся системе можно видеть ужесточение контроля за деятельностью и научными взглядами начинающих исследователей (вплоть до определения им с конца 1920-х гг. темы научной работы, согласно производственному плану сектора), но, с другой стороны, коллективистские принципы повышали чувство ответственности перед коллегами за свои тезисы и теории и заставляли более внимательно подходить к их аргументации. Вопросы и критические замечания можно было получить самые неожиданные, в том числе и от авторитетных ученых. Но все же аспирант должен был решать прежде всего «производственные задачи» сектора, в меньшей степени работая на себя. Мало внимания уделялось профессиональной подготовке исследователей. Аспирант рассматривался, главным образом, как сотрудник ГАИМК, но не как обучающийся. Не было ни учебных планов, ни выстроенной системы подготовки аспирантов.

Отсутствовали и четкие представления об обязанностях аспирантов и задачах аспирантуры. Складывается ощущение, что учреждение новой формы подготовки научных сотрудников явилось полной неожиданностью для руководства. Только лишь в 1927 г. было создано соответствующее Бюро в ГАИМК, а с начала 1930-х стал действовать учебный план. Неясность целей, задач, смысла породила незаинтересованность на-

учных руководителей в подготовке аспирантов, а также низкую ответственность самих молодых исследователей во второй половине 1920-х гг. П. Н. Шульц в отчете отметил, что его работу сильно тормозили: «1. Недостаточная отчетливость задач аспирантов Академии; 2. Отсутствие четкой установки и неразъясненность этой установки в занятиях аспирантов... 4. Отсутствие планомерной работы по подготовке аспирантов (в особенности в первые годы аспирантуры)... 6. Отсутствие со стороны Академии, в первые годы аспирантуры, должного руководства работой аспирантов»<sup>1</sup>. Создавало проблемы также отсутствие занятий иностранными языками и материальные трудности.

Обучение в аспирантуре должно было закончиться защитой диссертации. Она, как правило, происходила на кафедре в присутствии дирекции, преподавательского состава, аспирантов и студентов. Обязательным элементом явилось выступление оппонентов (причем оппонентом мог быть научный руководитель соискателя). По итогам прений, если работу признавали удовлетворительной, аспиранту присуждали звание старшего научного сотрудника, или научного сотрудника первого разряда<sup>2</sup>. Однако до диспута доходили единицы. В архиве ГАИМК имеются сведения о многочисленных заявлениях от обучающихся с просьбой продлить срок аспирантуры<sup>3</sup>. Причинами тому были чрезмерная общественная нагрузка, отсутствие системы в обучении и материальные трудности. Отсутствие занятий по современным иностранным языкам и древним языкам делало невозможным предоставление качественной аспирантской диссертации по античной истории. В духе того времени они были схематичны по своему содержанию, рассматривали какую-то широкую проблему. Показательно в этом смысле название защищенной в 1932 г. диссертации Л. Л. Ракова «К проблеме разложения рабовладельческой формации». Анекдотическая история, рассказанная Я. С. Лурье в воспоминаниях, отражает уровень этой работы. Первоначально она заканчивалась мыслью о неспособности рабских восстаний перейти в революцию. Однако после выступления И. В. Сталина на съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г., в котором он заявил, что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся», пришлось спешно вырывать последнюю стра-

<sup>1</sup> Там же. Л. 69 об.

<sup>2</sup> См., напр., сведения о защите Л.Л. Ракова: Ф. 2. Оп. 3. Д. 548. Л. 15.

<sup>3</sup> Ф. 2. Л. 1 (1934). Д. 46. Л. 31.

ницу брошюры Л. Л. Ракова и заменять новой, с противоположным содержанием [6].

Только лишь в 1934 г. стала создаваться четкая система подготовки аспирантов. Большая роль была отведена научному руководителю, который нес ответственность за качество предоставляемой диссертации и следил за подготовкой молодого ученого как по специальным дисциплинам выбранного направления, так и по общеполитическим и общетеоретическим, и делал соответствующий доклад в подразделении ГАИМК<sup>4</sup>.

Четко стало обозначено, что ГАИМК готовит «историков докапиталистических формаций и владеющих методом использования в научной деятельности всех видов исторических источников (вещественных, лингвистических, этнографических, письменных и так далее для самостоятельной марксистско-ленинской разработки проблем истории докапиталистической формации»<sup>5</sup>. На подготовку аспирантов выделялось 3 года, в каждом по 34 учебных недели («шестидневки»), сдача зачетов – 4 недели, практика – 2 недели. За это время следовало прослушать ряд курсов согласно разработанному и утвержденному в ГАИМК учебному плану. Он включал в себя следующие блоки дисциплин: 1. Общественно-политические дисциплины (Учение Маркса-Ленина-Сталина о социально-экономических формациях, Диамат-истмат); 2. Исторические и историко-теоретические дисциплины (Изучение истории по специальности, Источниковедение, Новое учение о языке Н. Я. Марра как исторический источник, Этнографический источник, Археология по специальностям, Методика полевых исследований, Техника графического оформления и публикации памятников материальной культуры); 3. Иностранные языки (в том числе и древние языки); 4. Учебные практики (Археологическая, Музейная, Педагогическая практики)<sup>6</sup>.

Как видно, учебный план содержал значительную долю источниковедческих дисциплин, позволяющих аспиранту освоить инструментарий историка. Дисциплины из первого блока осваивались только в течение первого года обучения. Кроме того, план ориентировал обучающегося на практическую деятельность и подготовку не столько академического ученого, сколько специалиста, умеющего проводить полевые (археологические и этнографические) исследования, работать в музее и готового вести преподавательскую деятельность. Третий год отводился полностью на написание и оформление диссертации. Новым было введение

<sup>4</sup> РА ИИМК. Ф. 2 Оп. 1 (1934). Д. 47. Л. 1.

<sup>5</sup> РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1 (1934). Д. 34. Л. 10.

<sup>6</sup> Там же. Л. 10 – 11.

двух западноевропейских языков (для чтения литературы по теме исследования) и древних языков.

В Институте истории рабовладельческого общества с 1934 г. стали появляться в большом количестве учебные кружки, которые были нацелены на углубленное изучение специальных языков. Кружки по древнегреческому языку вела К. М. Колобова и Р. В. Шмидт, по латинскому языку – С. А. Жебелёв и М. Е. Сергеенко, по папирологии – О. О. Крюгер, по нумизматике – А. Н. Зограф. Такие меры должны были способствовать качественному росту диссертационных исследований, однако общий уровень претендентов в аспирантуру оставался низким. Преподавание гражданской истории восстановлено только в 1934 г., и ждать скорых результатов было бы очень наивно. С. А. Жебелёв в записке отмечал низкий уровень знаний претендентов в аспирантуру, их неприспособленность к исследовательской работе, слабое знание древних языков, вместе с этим самонадеянность и тягу к априорным построениям [3]. Показательно, что в 1934 г. в ГАИМК остро стояла проблема привлечения в аспирантуру партийцев. Секретарь парткома Озёрская с недовольством заявляла: партийная прослойка составляет 42 человека, когда как лиц дворянского происхождения – 34, духовенства – 5, казаков – 4, почетных граждан – 13<sup>1</sup>. Такое со-

<sup>1</sup> Центральный государственный архив историко-политических документов. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 23. Л. 58 об.

отношение объясняется более высоким уровнем подготовки «бывших», наличием в их семьях глубоких традиций домашнего образования и ранним приобщением к достижениям мировой культуры. Публично критиковались те экзаменаторы, которые взяли в аспирантуру представителей «чуждых слоев». А выступавшая Васильева акцентировала внимание на нежелании научных руководителей работать с менее подготовленными к занятиям наукой партийцами<sup>2</sup>.

Таким образом, на примере Института истории РАНИОН и ГАИМК была рассмотрена проблема подготовки специалистов-антиковедов в СССР. Четко выстроенной системы в этом направлении до 1934 г. не существовало. Постановления Совнаркома об аспирантуре создавали организационную форму. Наполнение же конкретным содержанием должны были осуществлять сами научные учреждения. Просматривается тенденция видеть в аспирантах прежде всего научных сотрудников учреждения, но не обучающихся. Отсюда и отсутствие учебного процесса как такового, его осуществление на уровне неформальной коммуникации. Большая общественная нагрузка аспирантов, непродуманность процедуры подготовки исследователей, материальные трудности, слабая подготовка в школах и университетах создавали трудности в воспитании нового поколения исследователей.

<sup>2</sup> Там же. Л. 60

### Список литературы

1. Гришина, Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. / Н. В. Гришина // Мир историка: историографический сборник. – Омск, 2014. – Вып. 9. – С. 122–145.
2. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. А. Л. Литвин. – Казань, 2009. – 516 с.
3. Жебелёв, С. А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / С. А. Жебелёв // Очерки истории отечественной археологии. – М., 2002. – Вып. III. – С. 146–192.
4. Историография античной истории / под ред. В. И. Кузищина. – М., 1980. – 415 с.
5. Крих, С. Б. Образ древности в советской историографии / С. Б. Крих. – М., 2013. – 320 с.
6. Лурье, Я. С. История одной жизни / Я. С. Лурье. – СПб., 2004. – 279 с.
7. Скворцов, А. М. Секция древней истории Института истории РАНИОН как центр антиковедения 1920-х гг. / А. М. Скворцов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015. – № 14 (369). – История. Вып. 64. – С. 159–165.
8. Скворцов, А. М., Гришина Н. В. Историческое образование в первое десятилетие советской власти: основные векторы развития / А. М. Скворцов, Н. В. Гришина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015. – № 2 (357). – История. Вып. 62. – С. 49–56.
9. Фролов, Э. Д. Русская наука об античности: историографические очерки / Э. Д. Фролов. – СПб., 2006. – 608 с.
10. Черепнин, Л. В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения / Л. В. Черепнин. – М., 2015. – Т. 1. – 400 с.

### Сведения об авторе

**Скворцов** Артём Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия.

Artyom-skvorcov@yandex.ru

*Magistra Vitae.*

2016. No 2. P. 177–184.

## TRAINING OF HIGHLY QUALIFIED PERSONNEL IN THE CLASSICAL STUDIES OF THE SOVIET UNION IN THE 1920S – EARLY 1930s.

*A. M. Skvortsov*

*Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia. Artyom-skvorcov@yandex.ru*

The article examines the evolution of the Research Training in the classical studies in the Soviet Union until 1934. Attention is archival material on the Institute of the history RANION and GAIMK. Identify the difficulties and failures in the process of formation of the Soviet Graduate School of antiquity.

**Keywords:** *study of antiquity, historiography of antiquity history, the Soviet science of antiquity, graduate school, GAIMK, RANION.*

### References

1. Grishina N.V. Ot «ostavlenykh dlja podgotovki k professorskomu zvaniju» k sovetskim aspirantam: transformacija sistemy vosproizvodstva nauchnykh kadrov v 1860–1920-e gg. [From “left to prepare for a professorship” to the Soviet post-graduate students: the transformation of scientific personnel reproduction system in 1860–1920s.]. *Mir istorika: istoriograficheskij sbornik* [The World of the historian: historiographic collection], iss. 9. Omsk, 2014. Pp. 122–145. (In Russ.).
2. Litvin A.L. (ed.). *Dnevnik istorika S.A. Piontkovskogo (1927–1934)* [Diary of historian S.A. Piontkovsky (1927–1934)]. Kazan, 2009. 516 p. (In Russ.).
3. Zhebelyov S.A. Uchyonie stepeni v ih proshlom, vozrozhdenie ih v nastoyashchem I grozyashchaya opasnost' ih virozhdeniya v budushchem [Scientists degree in their past, their revival in the present and imminent danger of degeneration in the future]. *Ocherki istorii otechestvennoi arheologii* [Sketches of history of domestic archeology], iss. III. Moscow, 2002. Pp. 146–192. (In Russ.).
4. Kuzishchina V.I. (ed.). *Istoriografiya antichnoi istorii* [Historiography of antiquity history]. Moscow, 1980. 415 p. (In Russ.).
5. Krih S.B. *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The image of antiquity in Soviet historiography]. Moscow, 2013. 320 p. (In Russ.).
6. Lur'e Ya.S. *Istoriya odnoi zhizni* [The story of one life]. Saint Petersburg, 2004. 279 p. (In Russ.).
7. Skvortsov A.M. Sektsiya drevnei istorii Instituta istorii RANION kak tsentr antikovedeniya 1920-h gg [Section of Ancient history at Institute of history RANION as the center of antiquity studies in the 1920s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state university], 2015, no. 14 (369), iss. 64, pp. 159–165. (In Russ.).
8. Skvortsov A.M., Grishina N.V. Istoricheskoe obrazovanie v pervoe desyatiletie sovetskoj vlasti: osnovnie vektori razvitiya [History education in Soviet Russia in the 1920's: main trends in the development]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state university], 2015, no. 2 (357), iss. 62, pp. 49–56. (In Russ.).
9. Frolov E.D. *Russkaya nauka ob antichnosti: istoriograficheskie ocherki* [Russian science about antiquity: historiography essays]. Saint Petersburg, 2006. 608 p. (In Russ.).
10. Cherepnin L.V. *Moya zhizn'. Vospominaniya. Kommentarii. Prilozheniya* [My life. Memories. Comments. Apps], vol. 1. Moscow, 2016. 400 p. (In Russ.).